

Т. В. Малиновская

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

**ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА В КОЛОНИЯХ
ИНОСТРАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

(вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)

Розглянути питання функціонування паспортної системи в колоніях іноземців на теренах Російської імперії, організації та здійснення паспортного контролю. З'ясоване коло посадових осіб, відповідальних за видачу паспортів колоністам та перевірку паспортів у осіб, які прибували до колоній.

The article is studying the passport system functioning, organization and realization of passport control on the territory of the foreign colonies in Russian empire. It is found out what officials were responsible for delivery of passports for the colonists and verification of passports of the persons arriving in a colonies.

Движение населения в пределах и за пределы Российской империи государство регулировало при помощи паспортной системы. «Проезжие грамоты» для прибывших из-за рубежа иностранцев и отправлявшихся за границу русских были обязательны уже в XVII в. [5, с. 37]. Одновременно подобные документы в тех или иных случаях использовались также и при поездках внутри страны [Там же, с. 38; 18, с. 166–173; 16, с. 622]. Всеобщим и обязательным паспортный контроль стал в 1719 г. Указом Петра I 30 октября 1719 г. предписывалось, «чтобы никто никуда без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил и не ходил, но каждый бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо»; лиц, у которых при проверке не оказывалось при себе «паспорта или проезжева или прохожева письма», следовало принимать «за недобрых или за прямых воров» [Там же, с. 39].

Норма была установлена в связи с введением подушной подати и рекрутской повинности, кроме того, должна была способствовать охране правопорядка. Также имелся социальный аспект. Правитель-

ство Петра I стремилось распределить по сословиям «вольных и гулящих людей» (по словам царя, «таковых, кои шатаются без службы, государственной пользы от них надеяться не можна, только умножают воровство» [14, с. 379]). Ограничение свободы передвижения было призвано помочь решению этой задачи. С 1763 г. при выдаче паспорта взыскивалась особая пошлина, таким образом, паспортная система получила еще одно значение – стала источником дохода казны [5, с. 40].

Мера касалась в первую очередь представителей податных сословий. Указ 6 апреля 1722 г. запрещал крестьянам уходить на заработки без особых «покормежных писем», подписанных помещиком или старостами [1, с. 119]. Плакат 26 июня 1724 г. требовал от крестьян, которые уходили на работы дальше чем на 30 вёрст от дома, брать от помещиков или (в отсутствие помещиков) их приказчиков и приходских священников «письменные отпуски». Если крестьянин направлялся в другой уезд, ему было необходимо с письмом, подписанным помещиком или приходским священником, явиться к местному земскому комиссару, который должен был «отпущенному для работы дать пропускное письмо от себя, за рукою своею и за печатью полковника, которого полк в этом уезде имеет вечную квартиру». В пропускном письме обязательно указывалось время возвращения отходника, этот срок не мог превышать трех лет [15, с. 664-665]. Последующее законодательство внесло в эти правила отдельные изменения и дополнения [2, с. 162-164].

«Первоначально паспортная система касалась, главным образом, податных классов населения, но впоследствии ей были подчинены, хотя и не в одинаковой степени, все вообще подданные» [5, с. 40]. Отправляться в путь следовало с документом, удостоверяющим личность и подтверждающим само право покинуть место службы, работы или проживания. Таких документов было несколько видов. Например, в собраниях делопроизводственных материалов органов власти Гетманщины в XVIII в. отложились аттестаты, свидетельства, подорожные, билеты, паспорта. Сохранились паспорта, выданные как центральными, так и местными органами власти (полковыми и сотенными правлениями). Свидетельства или билеты выдавались должностными лицами своим подчинённым, в частности командирами в армии [6, с. 39, 95-104].

После издания манифестов Екатерины II о «разрешении иностранцам селиться в России» (1762-1763) на территории Российской империи появляются колонии переселенцев из других стран (немцев, болгар, шведов и др.), члены колонистских общин образуют особую категорию российских подданных. Каким образом осуществлялся в колониях паспортный контроль, кто выдавал и проверял удостоверяющие документы, разрешения на поездки в пределах империи? Поиск ответа на этот узкоспециальный вопрос важен для изучения более широких проблем – взаимодействия колонистов и их социального окружения, взаимоотношений с государством, хозяйственного развития колоний, в частности развития ремесла и торговли, организации самоуправления в колониях, правового положения их жителей.

В колониях иностранцев выдача и проверка удостоверяющих документов относились к обязанностям выборной администрации и государственных органов, которым эта администрация была подчинена. Это правило было закреплено в нормативных документах и соблюдалось на практике.

Со времени основания в колониях избирались старосты (шульцы, форштегеры) и их помощники (бейзицеры). После издания в 1800–1803 гг. Инструкций о внутреннем управлении в колониях Новороссии, Поволжья и Санкт-Петербургской губернии выборная администрация в этих колониях должна была иметь два уровня: несколько колоний объединялись в округ, сельский приказ (шульц или форштегер и бейзицеры) подчинялся окружному приказу (голова и окружные бейзицеры). Государственное попечительство над колониями осуществляли или специально созданные органы, или региональные власти. Например, колонисты Поволжья в 1766–1782 гг. и с 1797 г. подчинялись Саратовской конторе опекунства иностранных, в 1782–1797 гг. – руководству Саратовского наместничества. Опекунские органы имели в округах своих представителей (окружные комиссары в колониях Поволжья, смотрители в колониях Новороссии).

Нормы, которые регламентировали выдачу и проверку паспортов в колониях, впервые появились в законах, изданных в правление Павла I. О том, как до этого действовала паспортная система в поселени-

ях иностранцев, дают представление, в частности, опубликованные источники по истории колоний Поволжья.

В апреле 1769 г. Канцелярия опекунства иностранных, которой в то время подчинялась Саратовская контора, утвердила для саратовских колоний особый свод правил («временная юрисдикция» [17, с. 239]). Документ был обязателен для исполнения, хотя силы закона не имел. В соответствии с этим документом колонистам запрещалось принимать беглых и беспаспортных. Нанять работника со стороны колонист мог только после того, как покажет его паспорт окружному комиссару [7, с. 156]. Колонист, уезжая из своей колонии в другое селение в радиусе 50 вёрст, должен был получить, с разрешения форштегера, билет от окружного комиссара. Если отпраивлялся дальше чем на 50 вёрст от дома – полагалось испрашивать паспорт у Конторы. «От форштегера можно получить билет лишь на трёхдневную отлучку, при просрочке коего виновные наказываются общественной работой по одному дню за каждые три просроченные; о просрочивших же более двух недель доносится Конторе «для исследования, где был» [Там же, с. 157].

Опекунские органы следили, чтобы колонисты Поволжья не покидали мест поселения до того, как вернут казне ссуду, выданную на обзаведение хозяйством. Колонист получал разрешение уехать на заработки, если его наниматель ручался за все его долги и соглашался выплатить от 3 до 5 рублей в счёт погашения этих долгов. Только при этом условии колонисту выдавался паспорт сроком на год с правом продления. Временные паспорта выдавались на срок от 1 до 6 месяцев [9, с. VII].

28 августа 1775 г. Контора получила от Канцелярии опекунства указания относительно того, как поступать с колонистами, «неспособными» к земледелию. Желавшим среди таковых выехать на заработки в город выдавался годичный паспорт, в котором отмечалась сумма оставшихся на них долгов. Эти долги колонисты должны были вернуть через Контору, Канцелярию или другие органы власти [17, с. 266].

Примеры практического применения этих норм находим в журнале заседаний общего присутствия Саратовской конторы опекунства иностранных. В ноябре 1774 г. житель колонии Екатериненш-

тадт Г. Бозе, приехавший в Россию «на своем коште» и у казны ничего не занимавший, обратился в Контору с просьбой о выдаче ему паспорта для поездки в Москву; комиссар Вилгелми письменно засвидетельствовал «о справедливости ж оного Бозе показания». Архив Конторы был уничтожен во время пугачёвского восстания, выяснить, действительно ли у Бозе нет долгов, было невозможно, поэтому присутствие решило отправить запрос в Канцелярию опекунов, и если оттуда придет разрешение, выдать просителю паспорт [9, с. 74]. В начале декабря присутствие снова рассматривало прошение Бозе об «увольнении его на дватцать на девять дней в Москву с пашпортом». К прошению прилагалось письменное обязательство колонистского общества заплатить за Бозе все его долги, если таковые всё же обнаружатся. Руководство Конторы решило ввиду того, что резолюция от Канцелярии на предыдущее прошение Бозе ещё не получена, выдать ему паспорт с условием, что по прибытии в Москву он даст подписку чиновнику Канцелярии Тихменеву не покидать город до того, как будет вынесена эта резолюция [Там же, с. 115, 116].

В декабре 1774 г. Контора также выдала паспорта жителю Екатериненштадта Ф. Дельзопу и Парникелю для поездки в Казань на два месяца (по их просьбе «за свидетельством шульца Николаус Шульца»), той же колонии колонисту И. А. Миллеру с целью поездки в Москву «для продажи сыру на десять недель» (просьбу поддержал окружной комиссар Протопопов, подтвердивший, что у Миллера действительно имеется около 50 пудов сыра), подорожную на одну подводу для аптекаря Миллера и его ученика В. Бранта, отправлявшихся в Москву за медикаментами [Там же, с. 118, 119, 138, 150].

«Беспаспортные люди» в декабре 1774 г. были задержаны в колонии Сосновка (двое крепостных крестьян «без всякого безменного виду», окружному комиссару Иванову рассказали, что сторонники Пугачева заставили их присоединиться к своей «злодейской толпе», так они без документа оказались за пределами Саранского уезда, где находились их села) и в колонии Ягодная Поляна («в неимении письменных видов разного звания людей десять человек, в том числе женска шесть да мужеска четыре души»). Этим людям Контора отправила в Саратовскую воеводскую канцелярию [Там же, с. 131, 132, 154].

Случай самовольной отлучки из колонии в том же месяце 1774 г. был отмечен в колонии Норки. Ее форштегер И. Г. Бауер сообщил в Саратовскую контору опекунства о том, что колонист Г. М. Менер «с гусарами молдавского гусарского полку пошел как рекрут своевольно», оставив в колонии жену и ребенка; одновременно сирота Д. Штейн «пошел к одному ротмистру вместо слуги» [9, с. 138, 139].

В 1797 г. Павел I утвердил законы, определившие компетенцию самоуправления в удельных (принадлежавших царской семье) и государственных сёлах. Выборная администрация отдельного селения подчинялась выборным должностным лицам волости (приказа у удельных крестьян). Сельские выборные должны были «явившихся в селе или деревне неизвестных и подозрительных в противоуказных поступках людей сыскивать, ловить и в волостное правление отсылать». Администрации волости (приказа) следовало после допроса отправить задержанных вместе с найденными при них вещами и описанием происшествия, а также тех, у кого эти лица скрывались, к местному капитану-исправнику или земскому комиссару [20, п. 198; 3, п. 18]. Чтобы на время покинуть своё селение, удельные и государственные крестьяне должны были испросить разрешение у волостного правления (приказа) и сельского общества. Волостной голова (приказ) «с поселянами» ручались за то, что «отлучающийся» вернётся в срок, его участок будет обрабатываем, а казённые подати уплачены. Удельным крестьянам на основании ходатайства приказа выдавала своё разрешение удельная экспедиция, после чего отходники получали покормежные паспорта у уездной администрации («в установленном судебном месте»). Государственным крестьянам на основании разрешения волостного головы покормежные паспорта выписывал и вручал при посредстве головы уездный казначей. Самовольные отлучки (даже «на самомалейшее время») категорически запрещались [Там же, п. 170, 207; 3, п. 25].

В скором времени действие этих норм было распространено и на колонистов. Инструкции Саратовской конторе опекунства иностранных (30 июня 1797 г.) и Конторе опекунства Новороссийских иностранных поселенцев (26 июля 1800 г.) предписывали «вести и наблюдать, что свойственно и прилично в каждой колонии из порядка сельского внутреннего правления» удельных крестьян [13, с. 155; 12, с. 95].

Инструкция о внутреннем распорядке и управлении в Поволжских колониях (17 сентября 1800 г.) со ссылкой на закон об удельных крестьянах предписывала «иметь крепчайшее смотрение», чтобы колонисты не покидали колонии самовольно. «Увольнять» разрешалось тех, кто уезжал на время и с полезной целью («для продажи продуктов, для торгов и промыслов»), при условии, что общество поручится за уехавших и обеспечит обработку их надела. Если колонист отлучался надолго («хотя бы то и в ближайшие селения для работ») или далеко («в отдалённые места»), паспорт ему выдавала Контора опекунства на основании разрешения форштегера «за свидетельством окружного головы» [10, ст. 35]. Закон 30 апреля 1817 г. требовал от Саратовской конторы опекунства выдавать паспорта колонистам «не иначе, как печатные, требуя оных нужное количество заблаговременно от Казенной Палаты, которая обязана доставлять ей оные неукоснительно» [19, ст. 427].

Инструкция о внутреннем распорядке в Новороссийских колониях (16 мая 1801 г.) содержала те же положения, но с существенным дополнением, касавшимся поездок на недалёкое расстояние от колоний. Желавшие отлучиться «в какое селение, в губернский и уездный города» (т. е. в пределах своей губернии) получали от окружного приказа билет. Уезжавшие далеко и (или) надолго, как и саратовские колонисты, получали от Конторы опекунства паспорт на основании разрешения шульца, утверждённого окружным головой [11, п. 33]. В 1811 г. и 1812 г. отпуск новороссийских колонистов на заработки был ограничен только территорией самой Новороссии [19, ст. 426]. С 1835 г. право выдавать паспорта колонистам Новороссии и Бессарабии было предоставлено смотрителям колоний и управляющему задунайскими переселенцами [Там же; ст. 424].

В Санкт-Петербургских колониях в соответствии с Инструкцией об их внутреннем управлении (16 июня 1803 г.) действовали те же правила, что и в колониях Новороссии. Паспорта петербургским колонистам выдавало местное казначейство [Там же, ст. 424 б].

Колонисты Сарепты получали паспорта «для проезда внутри Государства» у начальников своей общины (братства) [8; п. 7], прибалтийские колонисты – у своих выборных старшин, шотландские колонисты в Ставропольской губернии – у управы [19, ст. 428].

С 1846 г. выдача билетов и паспортов разрешалась только для тех колонистов, которые не имели долгов, не состояли под судом или следствием и заплатили подати на год вперед; «по истечении же года отлучившиеся обязаны или явиться лично для перемены билетов, или же прислать, для получения оных, подати за год вперед» [19, ст. 425].

В 1850 г. была разрешена выдача паспортов колонистам окружными и сельскими приказами. Мера вводилась временно, в порядке эксперимента и только там, где старшины и писари владели русским языком. Бланки паспортов приказы получали от Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России, Саратовской конторы, палат государственного имущества и Управления задунайских переселенцев. Полученные от приказов деньги за паспорта эти учреждения передавали казённым палатам [Там же, ст. 424, примечание].

По возвращении домой колонисты, согласно нормам Инструкций о внутреннем распорядке 1800–1803 гг., были обязаны сдать свои паспорта «обратно своему начальству» [Там же, ст. 439].

Требования паспортного контроля касались кроме колонистов, покидавших свои селения, также и лиц, наоборот, приезжавших в колонию. Инструкции 1800–1803 гг. подтверждали применительно к колониям нормы общеимперского законодательства о паспортном контроле. Было предписано «в колониях отнюдь не терпеть людей без письменных видов и потому, если кто приедет в селение по каким надобностям на немалое время, или для работ и для найма, и не будет иметь билета или свидетельства, такового не принимать» [10, ст. 10; 11, ст. 16; 19, ст. 400].

Инструкции 1800–1803 гг. поручали осуществление паспортного контроля и удаление из колонии пришлых «непотребных» людей непосредственно членам общин и их выборной администрации. «Неизвестные, подозрительные и беглые люди» должны были быть по обнаружении доставляемы к шульцам и головам, которым в свою очередь следовало учинить задержанным допрос и затем вместе с подробным описанием обстоятельств задержания этих людей и принадлежащими им вещами отправить их самих к «своему начальству или смотрителю» (или в ближайший земский суд, если колония находилась в отдалении), как и лиц, которые этих пришлых у себя скрывали («кои их держали») [19, ст. 401].

В Своде учреждений и уставов о колониях иностранцев в Российской империи (1857) изданные ранее нормы о выдаче и проверке паспортов были систематизированы; нормы о внутренних паспортах для колонистов составили отдельный раздел (главы 4-й отделение 1-е «Об отлучках колонистов внутри империи» [19, ст. 423–439]).

Сведения о том, как в реальной жизни выполнялись эти нормы, содержатся в документах опекунских учреждений и органов колонистского самоуправления, в частности в их служебной переписке между собой. Например, среди входящей документации Конторы опекунства Новороссийских иностранных поселенцев имелись рапорты окружных приказов с просьбой о выдаче паспортов. В апреле 1801 г. хортицкий обер-шультц П. Сименс просил старшине Д. Эннсу «выдать пашпорт в Бахмутский уезд, куда он намерен ехать в осени с хозяевами для осмотра пустоши Корсуновской, назначенной под поселение хортицким меноннистам для всеудобности той пустоши [слово неразборчиво] обстоятельства рассмотреть» и еще для одного менонита «пашпорт в города Херсон, Николаев, Таганрог и Крым, в которые места намерен он возить на продажу свое масло» [4, Д. 44, л. 36]. 24 сентября 1801 г. хортицкий приказ сообщил Конторе о желании нескольких хозяев колоний Кронсвейде «с картофлями в Херсон водою отъехать», для чего «просят от конторы на проезд пашпорт» [Там же, Д. 47, л. 46]. В мае 1806 г. тот же окружной приказ, доложив, что «судно, начатое в той колонии [Хортице] для плаванья вниз по Черному морю и разным городам постройкою окончено и меноннисты, нагрузив его домашними произведениями, намерены отправится в путь», просил паспорт до Одессы и других причерноморских портов [Там же, Д. 151, с. 147]. В апреле 1808 г. беловежский окружной приказ ходатайствовал о выдаче четырем колонистам (двум мужчинам и двум женщинам) «годовых пашпортов на следование в Москву для найма в услужение», одновременно заверял, что в сдаче в общественный магазин зерна и уплате податей со стороны этих колонистов задержки не будет [4, Д. 187, л. 101]. В августе того же года хортицкий окружной приказ обратился с просьбой «о выдаче хортицким, беловежским и молочанским колонистам, отправляющимся в Одессы к обучению гишпанского овцеводства пашпорта» [Там же, Д. 187, л. 210].

Также в рапортах отмечались случаи несанкционированных властями поездок. Например, в октябре 1808 г. данцигский сельский приказ сообщил конторе «о нехотении колониста Иогана Шмита платить казенные подати и о неизвестной его в колонии отлучке» [4, Д. 187, л. 274].

В рапортах сообщалось и о появлении в колониях людей со стороны. По сообщению хортицкого приказа, 11 августа 1801 г. «один прохожий русский» зашел в шинок в колонии Нейенбург, шинкарь взял у него подорожную и отнес к шульцу. Человек был «крайне больным» и 14 августа умер. Колонисты похоронили его в своей колонии, его «письменный вид» нейенбургский шульц отослал в хортицкий приказ, который в свою очередь вместе с рапортом отправил этот документ в контору [Там же, Д. 47, л. 37]. В декабре 1808 г. беловежский окружной приказ прислал в Контору реестр о «высланных в Борзенский нижний земский суд непринадлежащих к колонии людях», кроме того, сообщил, что мальчик Карл Вулпет «за безписьменном виде взят казачьим правлением и отослан в роменский нижний земский суд» [Там же, Д. 187, л. 333].

Выявление в архивах и изучение новых документов о деятельности опекунских органов и выборной администрации в колониях позволит расширить и уточнить наши знания о предпринимавшихся властями мерах, связанных со стремлением государства держать под контролем процессы социальной мобильности в среде колонистов и их связи с другими социальными группами.

Библиографические ссылки

1. *Анисимов, Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1718–1728 гг. [Текст] / Е. В. Анисимов. – Л., 1982.

2. *Введенский, Р. М.* Паспортная политика русского царизма и ее влияние на крестьянский отход [Текст] / Р. М. Введенский // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России: сб. ст. / отв. ред. В. Т. Пашуто. – Воронеж, 1983. – С. 162–173.

3. Высочайшее утвержденный доклад Экспедиции государственного хозяйства «О разделении казенных имений на волости и о порядке внутреннего их управления», 7 августа 1797 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 24. – С. 672–677. – Далее: ПСЗРИ.

4. Государственный архив Днепропетровской области. – Ф. 134: Контора опекуства Новороссийских иностранных поселенцев, оп. 1, д. 44, 47, 151, 187.

5. Дерюжинский, В. Ф. Полицейское право [Текст]: пособие для студ. / В. Ф. Дерюжинский. – СПб., 1903.

6. Ділова документація Гетьманщини XVIII ст. [Текст]: зб. док. / Упоряд. В. И. Горобець. – К., 1993.

7. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов [Текст]. – М., 2000.

8. Жалованная грамота Сарептской колонии «Об утверждении прежних ее прав и преимуществ», 20 июня 1797 г. [Текст] // Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования. 1652 – 1917. – М., 2006. – С. 66–69.

9. Журнал заседаний общего присутствия Саратовской конторы опекуства иностранных [Текст]. – Саратов, 1995.

10. Инструкция внутреннего распорядка и управления в Саратовских колониях, 17 сентября 1800 г. [Текст] // Немцы в истории России... – С. 102–116.

11. Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских иностранных колоний, 16 мая 1801 г. [Текст] // Там же. – С. 116–131.

12. Инструкция Конторе опекуства Новороссийских иностранных поселенцев, 26 июля 1800 г. [Текст] // Там же. – С. 93–95.

13. Инструкция Саратовской конторе опекуства, 30 июня 1797 г. [Текст] // Немцы-колонисты в Век Екатерины. – М., 2004. – С. 152–155.

14. Князьков, С. Очерки из истории Петра Великого и его времени [Текст] / С. Князьков. – СПб., 1914.

15. О порядке сборов подушной подати. Именной указ [26 июня 1724 г.] // Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 658–668.

16. Об учреждении в Москве для пресечения воровства караулов, о смотре за исправностью их объезжим и о недержании никому пришлых людей без поручных записей. Именной указ [2 апреля 1695 г.] [Текст] // Там же. – С. 622–623.

17. Плева, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века [Текст] / И. Р. Плева. – М., 1998.

18. Сакович, С. И. Памяти кормежные, наемные и жилые крестьян-отходников конца XVII в. [Текст] / С. И. Сакович // Археограф. ежегодник. 1962. – М., 1963. – С. 166–173.

19. Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи [Текст] // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 12, ч. 2. – С. 1–100.

20. Учреждение об императорской фамилии. Отделение VIII. Порядок сельского внутреннего правления, 5 апр. 1797 г. [Текст] // ПСЗРИ. – Т. 24. – С. 562–569.

Надійшла до редколегії 01.04.09

Н. А. Шевчук

*Институт социальных наук Одесского национального университета
им. И. И. Мечникова*

СТАТУС ИНОСТРАНЦА-КОЛОНИСТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВО И РЕАЛЬНОСТЬ (вторая половина XVIII – первая половина XIX века)

Розглянуті факти поведінки іноземних переселенців, які отримали в Російській імперії у XVIII–XIX ст. правовий статус колоністів. Проаналізований один з типових випадків, пов'язаних з порушенням встановленого правового режиму.

The real facts of foreign colonists behavior are considered in the article. The author points one of the typical examples of the legislation violation.

Российская иностранная колонизационная политика XVIII–XIX вв. определялась манифестами Екатерины II 1762 и 1763 гг. и манифестом Александра I 1804 г. [4, собр. 1-е, т. 16, № 11720, 11880; т. 28, № 21163; 5]. В них содержались условия переселения в Россию и предоставляемые права, включая привлекательные льготы и привилегии как, например: проезд к определенному месту жительства с возможностью предоставления денег на путевые расходы, обязательство принятия присяги на верность новой родине и императору, свобода вероисповедания, освобождение от «всяких налогов и тягостей» на разные сроки; беспроцентная ссуда на 10 лет на строительство домов, приобретение сельхозинвентаря и инструментов, обзаведение хозяйством; самоуправление в колониях, освобождение